

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. П. ШЕЛЮБСКИЙ

Революционное движение в русской армии в 1917 г. нашло довольно широкое отражение в исторической литературе. За последние годы опубликовано множество статей, изданы сборники документов и воспоминаний, выпущено несколько монографических работ¹. Это, конечно, не значит, что тема о завоевании армии на сторону народа в 1917 г. не нуждается в дальнейшей разработке. Одним из важных является вопрос о роли солдатских масс в свержении царизма. Особый интерес представляет Северный фронт, располагавшийся в непосредственной близости к столице империи. Данному вопросу и посвящена настоящая статья, охватывающая период 27 февраля — март 1917 г.

* * *

Среди причин, ускоривших развал царской монархии, Ленин отмечает ожесточение армии в результате поражений России в первой мировой империалистической войне². Это ленинское положение со всей наглядностью подтверждается на примере Северного фронта, где ожесточение солдатских масс против самодержавия к 1917 г. достигло крайнего предела. Достаточно напомнить декабрьские события 1916 г. на фронте, когда произошли крупные солдатские волнения в частях 2-го и 6-го сибирских корпусов³. Всем ходом событий войска фронта были подведены к сознанию необходимости свержения ненавистного режима.

27 февраля 1917 г., в разгар революции в Петрограде, Николай II, как известно, находился в Могилеве, в Ставке. По его приказу главнокомандующим Петроградского военного округа был назначен известный каратель и вешатель генерал-адъютант Иванов. Ему были даны неограниченные и чрезвычайные права, а в помощь должны были быть посланы отборные воинские части с ряда фронтов, в первую очередь с Северного, как самого близкого к столице.

С этой целью генерал Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, вечером того же 27 февраля, в 21 час, передал лично по прямому проводу в штаб Северного фронта приказ об отправке отряда в составе двух кавалерийских полков, по возможности из 15-й кавалерийской дивизии, двух пехотных полков по выбору на месте и одной пуле-

¹ См. Л. С. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов, М., 1953; М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, М., 1957; Ф. А. Шурыгин. Революционное движение на Северном фронте в 1917 г., М., 1958; П. А. Голуб. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 гг.), Киев, 1958; М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте (1917 г. — март 1918 г.), М., 1965, и др.

² См. В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 15.

³ См. А. П. Шелюбский. Большевицкая пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года. «Вопросы истории», 1947, № 2.

метной команды «Кольта» для георгиевского батальона, который вместе с Ивановым отбывал из Могилева 28 февраля. Приказ Ставки был принят к точному исполнению главнокомандующим армиями Северного фронта генерал-адъютантом Рузским. Через 2 часа 45 минут после получения приказа начальник штаба фронта генерал Данилов сообщил Алексееву о том, что «назначены 67-й и 68-й пехотные полки во главе с командиром бригады генералом Листовским, 15-й Уланский татарский и 3-й Уральский казачий с начальником дивизии генералом Мартыновым; кроме того пулеметная команда «Кольта» для георгиевского батальона»⁴.

За основным приказом последовал ряд дополнительных боевых заданий. Только в один день, 28 февраля, Алексеев трижды телеграфировал Рузскому: о назначении сверх войск, высылаемых в Петроград, еще по одной пешей и конной батарее; о необходимости по требованию генерала Иванова назначить в его распоряжение один батальон Выборгской крепостной артиллерии: о подготовке к отправлению остальных полков 15-й кавалерийской дивизии на случай «если обстоятельства потребуют усиления войск, направленных в Петроградский округ»⁵. Этими задачами определялось серьезное значение Северного фронта в предпринятой Ставкой карательной экспедиции против революционного Петрограда. Из всех ее приказов в решающий момент переворота абсолютное большинство было адресовано в Псков, генералу Рузскому. В свою очередь генерал Рузский, не ожидая приказов сверху, по собственному почину принимал меры к водворению «порядка» в столице. Силами 42-го отдельного армейского корпуса, расположенного в Финляндии, он пытался помочь столичным властям.

Одновременно Рузский уделил самое серьезное внимание внутреннему состоянию фронта, чтобы оградить подчиненные ему войска от революционного воздействия восставшего Петрограда. С этой целью он послал 28 февраля специальную шифровку на имя командующих I, V и XII армиями, командира 42-го армейского корпуса. Сообщая о том, что «беспорядки в Петрограде принимают большие размеры», Рузский предложил «принять меры, чтобы беспорядки не перекинулись в другие пункты войсковых районов армий, а также в район общего тыла». Далее следовала подробная программа оперативно-боевых действий, в частности о необходимости «в каждой армии иметь наготове отряд для поезда, в составе двух рот с 4 пулеметами и соответствующей железнодорожной командой, для немедленного направления к угрожаемым пунктам и необходимых быстрых исправлений в случае порчи пути, мостов и станций»⁶.

За этой программой нетрудно заметить продуманный план создания карательных отрядов против революционных выступлений солдат и гражданского населения на территории фронта. Чтобы задушить революцию и отстоять монархию, были мобилизованы все силы, в дело вовлекались все части — от боевых до ополченских и запасных.

Но все старания Рузского оказались безуспешными. Ревностно выполняемый им план Ставки, дополненный собственными мероприятиями, потерпел полную неудачу. Даже «отборные» войска, узнав о событиях в Петрограде, присоединились к революции и повернули штыки против царского трона. Направленный по указанию Ставки в помощь генералу Иванову отряд до места назначения не дошел. 1 марта 1917 г., через несколько часов после того, как Николай II в тщетных попытках поднять фронт против революционного Петрограда прибыл в Псков, Родзянко —

⁴ «Красный архив», 1927, т. II (21), стр. 10, 14.

⁵ Там же, стр. 14, 17, 19, 20.

⁶ ЦГВИА, ф. 2262, оп. 1, д. 373, л. 13.

председатель Временного комитета Государственной думы — сообщил Рузскому, что посланные им в столицу эшелоны «взбунтовались, вылезли в Луге из вагонов... и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда»⁷. О том, как встречали в Луге направлявшиеся сюда воинские части, свидетельствует запись в ротных журналах 68-го пехотного полка за 1 марта 1917 г.: «Не доходя до станции поезд был остановлен, в офицерский вагон вошли нижние чины Лужского гарнизона с требованием выдачи им оружия... Когда г.г. офицеры получили возможность выйти из вагона, то увидели, что весь эшелон разоружен»⁸. «Бунт» отряда Северного фронта, выгрузившегося в Луге и вместе с Лужским гарнизоном создавшего заслон против движения на Петроград войск, привел к провалу плана Ставки, ускорив решение вопроса об отречении Николая II от престола⁹.

Сорвалась и отправка в столицу частей 42-го армейского корпуса, так как с 28 февраля прекратилось железнодорожное сообщение, телеграфная и телефонная связь между Финляндией и Петроградом. Две роты первого железнодорожного батальона, вызванные из района Двинска рано утром 1 марта для охраны царя на пути следования в Царское Село, прибыв на следующее утро в Псков и узнав о поставленной им задаче, вышли из повиновения. Обе роты были отправлены обратно в Двинск, причем перед отправкой они делегировали двух представителей в Петроград для связи с только что возникшим Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов¹⁰. В дополнение ко всему начались волнения в ряде пунктов Северного фронта — в Ревеле, Двинске, Пскове и других местах.

Рузский, как никто другой из высшего командования царской армии, после разговоров по прямому проводу с Родзянко в ночь с 1 на 2 марта 1917 г., понял всю сложность создавшегося положения.

Он с самого начала революции приложил все усилия, чтобы оставить в неприкосновенности армию, сохранив за офицерством руководство солдатскими массами. Именно в этих целях, а также во имя спасения династии он признал власть Временного комитета Государственной думы. В этих же целях он 4 марта издал приказ № 138 по фронту и воззвание к населению района фронта, в которых сообщалось о совершенном 2 марта «во внутреннем управлении нашей Родины» коренном переломе. 9 марта, через день после утверждения текста новой присяги, Рузский вместе со своим штабом присягнул Временному правительству, опубликовав для всеобщего сведения в местной печати соответствующую телеграмму на имя Родзянко и Львова. Наконец, 17 марта он обратился к войскам фронта с приказом за № 195, который заканчивался призывом: «Постойм за отечество и дадим избанникам народа спокойно работать по устроению новой России. Знаю, что вы честно исполните свой долг так же, как исполняют свой долг перед своей Родиной наши могучие союзники. Верю в вашу преданность Родине, в вашу мудрость и честь, в вашу храбрость. Да поможет вам бог»¹¹.

Приказ Рузского — наиболее характерный документ, показывающий как преломлялась в армии тактика буржуазии, стремившейся всеми ме-

⁷ «Красный архив», 1927, т. II (21), стр. 55.

⁸ ЦГВИА, ф. 2682, оп. I, д. 77, лл. 1 об.— 2. (2-я рота).

⁹ Акт об отречении был подписан Николаем в Пскове, в вагоне царского поезда. Переговоры по этому вопросу между Николаем и представителями буржуазии велись через главкосева Рузского.

¹⁰ «Красный архив», 1927, т. II (21), стр. 41, 60; «Правда», 9(22) марта 1917 г. Это была одна из первых делегаций, которые тогда, как и позднее, на протяжении всего периода от февраля до октября, в огромном количестве направлялись с фронта в столицу за разрешением жгучих вопросов политической жизни и быта солдат.

¹¹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. I, д. 373, л. 226; 799, л. 64; «Псковская жизнь», 11 марта 1917 г.

рами скорей покончить с революцией. От признания Временного комитета Государственной думы во имя спасения династии до присяги на верность Временному правительству во имя продолжения империалистической войны — такова эволюция военно-политической программы, со всей настойчивостью проводимой генералом Рузским на Северном фронте. Именно поэтому он уделил особое внимание движению солдатских масс, грозившему стать непреодолимым препятствием на пути осуществления намеченной им программы. Задержать движение, не дать ему разрастись, подчинить его своему влиянию, а затем вовсе уничтожить — вот к чему сводились все мероприятия Рузского.

* * *

Но не было такой силы, которая способна была сковать солдатскую массу, приведенную в движение первыми же известиями о революции в Петрограде и свержении монархии. Бурным весенним половодьем разлилось оно по всей территории фронта — от берегов Западной Двины до Финляндии с ее военными и военно-морскими базами, от Рижского взморья и Балтийского побережья до ближайших к столице тыловых гарнизонов. Обострилось до крайности противоречие между классовым составом войск и классовыми задачами армии, призванной защищать буржуазно-помещичий строй.

Классовые противоречия в армии с особой силой проявились во взаимоотношениях между солдатами и основной массой офицеров, поразному воспринявших свершившийся переворот. Если первые встретили весть о падении царского режима, как величайшее радостное событие, то вторые восприняли революцию, по выражению одного офицера, как «удар, который заставит их расстаться со своими исконными правами и привилегиями». Еще более откровенное признание мы находим в другом офицерском письме, прошедшем цензуру XII армии в марте 1917 г. Сетую на революцию, испортившую ему карьеру, автор пишет: «Через несколько месяцев я получил бы производство, не в виду переворота я это теряю, хотя и выслужил и служу теперь на шт. капитана. Тяжело нам мириться со своим положением, ведь все у нас всосалось в кровь и внутрь. Не знаю теперь, как я заставляю пойти в бой своих подчиненных, раз они нас не боятся и ненавидят»¹².

Прямой противоположностью являются солдатские письма. Они, как отмечало военно-цензурное отделение штаба V армии в отчете за март 1917 г., «носят радостный характер по поводу установившихся воззрений на военную дисциплину». По свидетельству военных цензоров I армии «в каждом письме выражается радость по поводу полученной свободы»¹³.

И действительно, анализ солдатской корреспонденции целиком и полностью подтверждает этот цензурский вывод. Вот, например, письмо солдата 477-го пехотного Калязинского полка I армии, написанное в начале марта 1917 г. «Поздравляю Вас, — говорится в письме, — с великим праздником, с освобождением русского народа от рабского режима. Теперь снята с народа маска, под которой он ходил, и развязан язык». Или возьмем другое письмо, из XII армии. Сообщая землякам о перевороте, автор заявляет: «Наступила весна, та весна, которую не ожидали, что она явится так неожиданно». Тысячи подобных писем, шедших ежедневно с фронта в тыл, свидетельствовали о величайшем революционном подъеме, охватившем широкие массы в результате свержения царизма. Революция означала для солдат «веселое

¹² ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 773, лл. 204, 208.

¹³ Там же, лл. 218, 223—225.

время... такое веселое... что еще не бывало никогда», а для реакционного офицерства наоборот,— «трудное, тяжелое наступило время»¹⁴.

Уже в этот ранний период после свержения царизма солдаты, в большинстве своем состоявшие из трудовых слоев крестьянства, проявляют исключительный интерес к быстрейшему и радикальному решению аграрного вопроса. Цензорский отчет I армии за март 1917 г., отмечая, что 50% писем в деревню наполнены просьбами и приказами «не жалеть сил и средств и как можно больше засеять земли», указывает, что «встречаются письма... в которых авторы подают советы захватывать помещичьи земли, рубить леса и прочее». И в подтверждение приводится выдержка из солдатского письма, в котором говорится: «Сейчас старайтесь, чтобы была земля поровну, чтобы отнять от помещиков; мы здесь стараемся, а вы там старайтесь». В другом офицерском письме, прошедшем в начале марта через цензуру XII армии, сообщается о том, что «появились прокламации от рабочих депутатов... с призывом отбирать у помещиков земли, бить начальство (приставов, старшин, урядников и т. д.), одним словом, приглашают делать то же, что было в 1905 году»¹⁵.

Противоречия между офицерским корпусом и солдатскими массами отражали классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией, между крестьянством и помещиками, между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Офицерство, хотя и изменившееся по составу за время войны, в массе своей по существу боялось революции, оставаясь по-прежнему реакционной силой. Не случайно многие офицеры в первые дни переворота сознательно утаивали от солдат известия о крушении монархии, объясняя, что «государь уехал на отдых на время и за него оставлен Михаил, и что все будет по-старому». Больше того, имели место и такие факты, как в 13-м Финляндском стрелковом полку, где командир полка Иванов запрещал «солдатам, узнавшим из какого-нибудь источника, распространять слухи о деятельности нового правительства и его Комитета»¹⁶.

Бурю негодования и вместе с тем смертельный страх вызвал в командном составе знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г., с огромной радостью встреченный солдатами на фронте и правильно понятый ими как сигнал к введению в армии новых, революционных порядков. Пробуждая классовое самосознание солдатских масс, приказ не давал буржуазии возможности сохранить за собою армию. Именно поэтому против него ополчились весь генералитет и реакционное офицерство, пытаясь либо вовсе скрыть его от солдат, либо всячески ослабить его революционное действие. Уже 5 марта генерал Рузский со специальным нарочным послал письмо в Петроград в исполнительный комитет Государственной думы с просьбой о выделении нескольких популярных общественных деятелей для влияния на солдат в связи с приказом № 1. «Единственным спасением армии от растления ее агитацией и такими воззваниями, как изданный Советом рабочих и солдатских депутатов «Приказ № 1»,— заявил он в письме,— я считаю немедленный приезд в штаб фронта нескольких популярных и ответственных деятелей, которые должны лично повлиять на солдат в смысле устранения вредных эксцессов»¹⁷.

Еще до этого, 4 марта, сообщая в телеграмме на имя Алексеева и Гучкова о том, что приказ № 1 «распространяется в воинских частях и вносит смущение в умы», Рузский просил «в целях сохранения прочной, столь необходимой для победы дисциплины и общего успокоения,

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 773, лл. 204, 208, 223.

¹⁵ Там же, лл. 204—208, 225.

¹⁶ «Солдатские письма 1917 года», М., 1927, стр. 21.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 33, д. 88, л. 12.

разрешить и точно установить особым приказом взаимоотношения офицеров и нижних чинов»¹⁸.

В ответ на просьбы Рузского из Петрограда на Северный фронт срочно выехали пять членов Государственной думы, которые, разбившись на группы, направились в Двинск и Ригу. Думской делегации было оказано всяческое содействие со стороны командования. 7 марта начальник штаба фронта Данилов в телеграмме на имя начальников штабов I, V, XII армий указал на необходимость предоставления депутатам широкой возможности «видеть и говорить с возможно большим числом солдат и офицеров, которые являлись бы избранными в своих частях и доверенными, и все слышанное передать затем своим боевым товарищам». Данилов предложил также ставить его в известность «о времени приезда депутатов, о порядке объезда ими войск и впечатлении, которое они произведут на войска»¹⁹.

Депутаты объездили вдоль линии фронта несколько сот километров и, вернувшись в Петроград, доложили 13 марта на заседании Временного комитета Государственной думы результаты своей поездки. Что же они увидели на фронте? Каковы их выводы о взаимоотношениях между солдатами и офицерами?

Депутат Филоненко, объехавший по фронту от Двинска в направлении к Молодечно 142 километра, рассказывает такой случай. В одной части солдаты попросили корпусного командира «оставить одних, чтобы офицеры ушли». Когда последние удалились, поднялся казак и заявил: «Вот, вы говорите, приказ. Он получен вчера, а сегодня мне комендант морду набил». «Рукоприкладство — замечает Филоненко — настолько вкоренилось, что многие не могут от него отстать». Не менее ценные признания сделает другой член Думы — Янушкевич. Восторгаясь овациями, которыми массы встречали делегатов по пути от Пскова до Двинска, Янушкевич сообщает: «Некоторые офицеры, когда поступали приказы и известия о событиях, например, об отречении, истолковывали их так, что возбуждали в солдатах к себе недоверие, например, отречение императора истолковывалось как его добрая воля, что он хороший и т. д.». Особенно недостойным, по свидетельству Янушкевича, было поведение высшего начальства. «В среде высшего офицерства, — отмечает он, — есть такие, которые ведут себя чрезвычайно нетактично». В подтверждение приводится следующее заявление одного начальника дивизии: «Все-таки я эту сволочь сек и буду сечь, и, если он (солдат. — А. Ш.) что-нибудь сделает, то я всыплю ему 50 розг»²⁰.

К Янушкевичу обращались и боевые офицеры с выражением недовольства генералами, указывая, что «они своей прошлой деятельностью так опротивели солдатам, что теперь, когда совершился перелом, солдаты не верят, вносится дезорганизация, возможны эксцессы». Несмотря на это, в заключение Янушкевич вынужден был констатировать, что «у солдат есть сдерживающее чувство».

Думскую делегацию отнюдь нельзя заподозрить в желании опорочить офицерство. Ее вынужденные признания в достаточной мере вскрывают причины тех так называемых эксцессов, тех, кстати сказать, сравнительно немногочисленных случаев расправы солдат над наиболее ненавистными офицерами, которыми сопровождался февральско-мартовский переворот, как и весь последующий период подготовки и проведения Великого Октября на фронте. Те же признания рисуют сложную обстановку, создавшуюся на фронте с самого начала революции. Они свидетельствуют об острой борьбе, развернувшейся с первых же дней февральско-мартовского переворота между реакционным офицерством и солдатскими массами вокруг коренных вопросов революции, нашед-

¹⁸ «Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 50—51.

¹⁹ «Псковская жизнь», 9 марта 1917 г.; «Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 66.

²⁰ «Разложение армии в 1917 г.», М., 1925, стр. 49.

ших в армии наиболее яркое выражение в требованиях солдат решительной ломки всего старого и введения новых, подлинно-демократических начал.

В этой связи следует отметить ошибочный взгляд А. М. Зайончковского, который считает, что «революция в первой своей части в борьбе против монархии прошла на фронте бескровно и очень быстро» и «вопрос безболезненно переходил в плоскость исключительно борьбы за новое строительство жизни народа, т. е. фактически к борьбе политических партий»²¹. Переход к строительству новой жизни не мог быть безболезненным во всей стране, а в армии, ввиду специфических условий ее существования, в особенности. Борьба не ограничивалась и не могла ограничиться исключительно борьбой политических партий. Зайончковский как бы забыл о том, что за политическими партиями стояли вполне определенные классы.

Точно так же нельзя согласиться с его тезисом о потере боеспособности армии в марте 1917 г. из-за быстрой перестройки «всего внутреннего уклада жизни войск» и устройства его «на совершенно неприемлемых по самой сути военного дела основаниях»²². За этой формулировкой скрывается критика приказа № 1. Это не соответствует действительности. Приказ № 1 там, где он действительно проводился в жизнь, способствовал сплочению крепких революционных воинских единиц, готовых смело и решительно драться за счастье и свободу народа, самоотверженно отстаивать добытые завоевания от всех и всяческих врагов.

Характерно, что именно те воинские части, которые всего решительнее избавлялись от реакционного офицерства, отличались крепкой боеспособностью, основанной на революционной сознательной дисциплине. Это вынужден был признать генерал Клембовский, командовавший летом 1917 г. Северным фронтом, а в февральско-мартовские дни занимавший должность помощника начальника штаба Верховного главнокомандования. В марте по поручению Ставки Клембовский выехал специально в Финляндию для инспектирования войск 42-го отдельного армейского корпуса. Итоги своей поездки он изложил в докладной записке от 27 марта 1917 г. Что же оказалось? Например, в Выборгском гарнизоне, по заключению Клембовского, резко выделялся «безукоризненной выправкой 2-й Выборгский крепостной пехотный полк, сменивший за строгость своего командира полка». 510-й пехотный полк, где были сменены 3 офицера, а 2 убиты, произвел на генерала «хорошее впечатление». По 128-й пехотной дивизии, куда входил и 510-й полк, наряду с нехваткой Клембовский отметил также «недостаток их (офицеров.— А. Ш.) авторитетности по малому умственному развитию». А в 106-й пехотной дивизии, четко выполнявшей свои оперативные задачи, за время переворота «солдаты сменили 3 комполков»²³.

Ожесточенная борьба вокруг проведения приказа № 1 на фронте выражала непримиримые классовые противоречия по коренным вопросам революции между пролетариатом и буржуазией, обнаружившиеся тотчас после свержения царизма. Сущность этих противоречий блестяще показана Лениным в его знаменитых «Письмах из далека». В письме третьем, определяя задачи пролетариата в отношении государства и отмечая, что рабочие России в феврале-марте 1917 г. вступили на путь слома «готовой» государственной машины, Ленин писал: «Англо-французские и русские капиталисты хотели «только» сместить или даже «попугать» Николая II, оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество.

Рабочие пошли дальше и разбили ее. И теперь не только англо-французские, но и немецкие капиталисты *воют* от злобы и ужаса, видя,

²¹ А. Зайончковский. Кампания 1917 г., М., 1923, стр. 39.

²² Там же, стр. 39—40.

²³ ЦГВИА, ф. 2031, д. 43, лл. 125—127.

например, как русские солдаты расстреливали своих офицеров, хотя бы сторонника Гучкова и Милюкова, адмирала Непенина»²⁴.

Точно так же, как в деревне ближайшим объектом классовой расправы крестьян были помещики-кровопийцы, первым объектом для солдат служили наиболее свирепые реакционные генералы и офицеры, принадлежавшие к тем же помещикам и капиталистам. И того, кто упорно цеплялся за старое, отжившее, неминуемо ждал суровый приговор солдатского гнева. И хотя расстрелы носили далеко не массовый характер, аресты и обезоружение командного состава было явлением частым, о чем свидетельствует телеграмма генерала Рузского от 6 марта на имя Алексева, Гучкова и Львова. С горечью сообщая об ежедневных публичных арестах генералов и офицеров, производимых в Пскове, Двинске и других местах, а также о продолжающемся обезоружении их, особенно на железнодорожных станциях, он вынужден был констатировать, что положение не только не улучшается, но, наоборот, все более и более ухудшается, что события «разрастаются, захватывая районы, вплотную подходящие к позициям»²⁵.

Аресты и обезоружение офицеров сопровождались, как правило, отстранением наиболее ненавистных из них от должностей и избранием на их место новых. Тем самым на фронте, как и в столице, проводился явочным порядком принцип выборности командиров, осуществлялась демократизация армии. Начиная борьбу за проведение в жизнь принципа выборности начальствующего состава, солдаты фактически приступали к слому старой армии, как аппарата государственного насилия буржуазии над пролетариатом. В этом была одна из существеннейших особенностей подлинной демократизации армии, которую отстаивали большевики в противовес эсеро-меньшевистским соглашателям, на словах признававшим демократизацию, а на деле всячески старавшимся ослабить действие приказа № 1.

Весть о приказе № 1 дошла до Северного фронта очень быстро. Уже 3 марта, по сообщению начальника штаба V армии генерала Вахрушева, здесь появились первые представители Петроградского гарнизона²⁶. Бывший командир 19-го Сибирского стрелкового полка полковник Чемоданов в своих воспоминаниях рассказывает: «Дошел до нас приказ № 1. Он, конечно, не попал в штаб, а сначала робко, как бы из-под полы, читался в окопах. Мне его показал Гурьянов. Поймав как-то одного в ходе сообщений около моего блиндажа, он протянул мне печатный листок.

— Вот, ваше высокоблагородие, документик, почитайте-ка.

Оказался приказ № 1, перепечатанный и распространяемый от каких-то организаций в Риге»²⁷.

Если приказ № 1 вызывал злобу и ужас в рядах реакционного офицерства, то выборное начало пугало даже либерально настроенных офицеров, к числу которых принадлежал и автор упомянутого выше воспоминания. Между тем только в решительном устранении старых, в

²⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 40.

²⁵ «Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 57—58.

²⁶ Донесение Вахрушева см. «Красный архив», 1927, т. III (22), стр. 49. Там же (стр. 49, 51—53) имеются аналогичные сообщения Алексева и Рузского. Между тем автор введения к публикации «Приказ № 2» в журнале «Красный архив» (1929, т. 37) Ф. Драбкина почему-то считает, что даже 6 марта 1917 г. войска Северного фронта не знали и не могли знать о существовании приказа № 1. Такое утверждение ошибочно. Нет никакого сомнения, что многочисленные делегации питерских солдат, появившиеся на Северном фронте уже в первых числах марта, информируя о событиях в Петрограде, передали в первую очередь войскам весть о приказе № 1 и в том числе о выборности командиров, ибо это был один из самых животрепещущих вопросов, волновавших широкие солдатские массы.

²⁷ Н. Г. Чемоданов. Последние дни царской армии, М.—Л., 1926, стр. 80. Гурьянов — большевистски настроенный солдат вступил затем в большевистскую партию.

подавляющем большинстве негодных и враждебно настроенных к народу командиров и в замене их новыми людьми, вышедшими прежде всего из среды солдат и тесно связанными с ними, лежал путь к превращению царской армии из орудия классового господства буржуазии и помещиков в вооруженный оплот революции, в подлинного защитника интересов рабочих и крестьян.

Какое значение этому вопросу придавал В. И. Ленин видно из его беседы, состоявшейся в вагоне Финляндской железной дороги проездом из Швеции в Петроград, со старшим унтер-офицером 423-го пехотного полка 106-й пехотной дивизии (42-й армейский корпус) А. В. Чернышевым. Вот что передает Чернышев о своей исторической встрече с Ильичем:

«Я вошел. Ленин протянул мне руку и говорит: «Товарищ, садитесь». Я сел...

Мы долго говорили по поводу того, как поставлена дисциплина... Ленин говорит: прежде всего создавайте своих командиров, тем командирам не доверяйте.

Я его спросил: «как же мы можем быть командирами, генералами, когда мы не имеем большого образования. Ведь мы можем испортить все дело». Ленин говорит: «Напрасно Вы так ставите вопрос, каждый революционер ставит такое условие, что революционный солдат должен быть революционным генералом»²⁸.

Эти замечания Ленина нашли отражение в написанной им несколько позднее брошюре «Политические партии в России и задачи пролетариата». Поставив вопросы: 1) «Надо ли, чтобы офицеры выбирались солдатами?» и 2) «Полезно ли самочинное смещение начальства солдатами?», Ленин указывал:

1) «Не только надо выбирать, но каждый шаг офицера и генерала должны проверять особые выборные от солдат».

2) «Полезно и необходимо во всех отношениях. Только выборных властей солдаты слушаются, только их они *у в а ж а ю т*»²⁹.

* * *

Таково было положение на Северном фронте в момент свержения царизма и в первые дни после переворота. В армии тотчас развернулась острая классовая борьба между солдатами, стремившимися к действительному уничтожению монархии, к настоящей свободе, к миру, к хлебу, и реакционным офицерством, цеплявшимся за старое, не желавшим уступать своего привилегированного положения, тесно связанным с буржуазией и помещиками, проводившим их политику в армии.

Движение широких солдатских масс, озаренных пламенем революции, надо было организовать и направить по единственно правильному пути, указанному В. И. Лениным,— по пути завоевания диктатуры пролетариата и построения социалистического общества. За это дело взялись большевистская партия и ее местные военные и территориальные организации на фронте.

²⁸ ЛПА, ф. 4000, оп. 6, ед. хр. 236, л. 40; см. также А. В. Чернышев. Беседы в вагоне. Сб. «Ленин в Октябре», М., 1957, стр. 49—52.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 198—199.